

© 2014 г. И.Б. ИТКИН

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ФОРМАМИ ИМПЕРФЕКТА В ТОХАРСКОМ А ЯЗЫКЕ

Статья посвящена проблемам, связанным с наличием в тохарских языках двух прошедших времен, условно называемых имперфектом и претеритом. Показано, что существующие описания семантики и употребления двух тохарских прошедших времен неудовлетворительны, а трактовка многих глагольных форм в тохарском А, где имперфект и претерит могут строиться по одним и тем же моделям, произвольна. Вводится дистрибутивно-синтаксический критерий разграничения имперфекта и претерита в тохарском А, предлагается новая интерпретация форм ряда глаголов и контекстов, в которых они представлены. Отдельно рассматривается вопрос о причинах аномального поведения имперфекта глагола «идти».

Ключевые слова: тохарские языки, имперфект, претерит, омонимия форм, дистрибуция

The paper is dedicated to the problem of two past tenses in the Tocharian languages conventionally named «imperfect» and «preterit». It is demonstrated that the existing descriptions of semantics and usage of these two forms are unsatisfactory and the treatment of many verbal forms in Tocharian A, in which the formation of imperfect and preterit can follow the same pattern, is arbitrary. The paper introduces a distributional-syntactic criterion of distinction between imperfect and preterit in Tocharian A and proposes a new interpretation of some verbal forms and their contexts. The question of why the imperfect of the verb «to go» behaves so strange is particularly regarded.

Keywords: Tocharian languages, imperfect, preterit, homonymy of forms, distribution

Тохарская ветвь индоевропейской языковой семьи состоит из двух близкородственных вымерших языков – тохарского А, или восточнотохарского, и тохарского В, или западнотохарского. Одной из центральных проблем грамматики обоих тохарских языков является вопрос о характере различий между двумя прошедшими временами, традиционно называемыми в тохаристике имперфектом (Ipf) и претеритом (Pt). Основная сложность, связанная с этой проблемой, заключается в том, что, по убеждению большинства тохаристов, она была решена уже полвека назад – в специально посвященной употреблению прошедших времен в тохарских текстах книге В. Томаса «Der Gebrauch der Vergangenheitstempora im Tocharischen». Показательно, что в недавно вышедшей фундаментальной монографии М. Мальцан «The Tocharian verbal system» итоговый вывод В. Томаса, согласно которому формы имперфекта употребляются, «...wo ein Geschehen als unabgeschlossen zu denken war, bzw. dann, sofern es sich um Zustandsverben handelte, wenn ein Zustand in der Vergangenheit bezeichnet werden sollte» [Th: 307], цитируется именно как исчерпывающее описание семантики данной граммы [М: 252]. В то же время мнение В. Томаса нельзя назвать полностью общепризнанным. Так, существенно иной взгляд на соотношение имперфекта и претерита представлен в работах известного современного французского тохариста Ж.-Ж. Пино, ср.: «La différence entre imparfait et prétérît est nette dans les textes narratifs: le prétérît sert à narrer les actions principales successives, tandis que l'imparfait sert à décrire les circonstances, les événements secondaires, etc.» [Pin: 569].

Кажется вполне ясным, что определение В. Томаса абсолютно неоперационально и представляет собой логический круг: «действие, мыслящееся как незавершенное,

выражается имперфектом, “следовательно”, употребление в том или ином предложении формы имперфекта объясняется тем, что соответствующее действие мыслится как незавершенное». То же самое во многом справедливо и в отношении гипотезы Ж.-Ж. Пино: непонятно, каким мог бы быть внешний диагностический признак, позволяющий разграничить «les actions principales» и «les événements secondaires». Кроме того, трудно с уверенностью утверждать, что языки, в которых два глагольных времени различались бы подобным образом, вообще встречаются.

В своей рецензии на книгу М. Мальцан мы уже касались вопроса о недостатках существующих концепций семантики тохарского имперфекта [Иткин 2012: 132]. Поскольку, однако, текстовый фрагмент А 5 а5, приведенный нами в этой работе в качестве иллюстрации, содержит форму имперфекта глагола у-/ «идти», а значит, как мы надеемся показать ниже, не дает возможности судить о поведении «настоящих» имперфектов, кажется целесообразным пояснить нашу точку зрения другим восточнотохарским примером:

mānt pat nu anapār lmo ānand ptāñkāt kāsšim tyāk ♦ (А 314 а3) ‘Как если бы сидел напротив (букв. «как впереди сидевший»), Ананда Будду-бога учителя **увидел**’;
lwā pretāñ na(peñi) puk anapār lmošš oki ptāñkāt kāsšim pālkānt || (А 314 а4) ‘звери, духи, люди – все, словно сидели напротив (букв. «словно впереди сидевшие»), Будду-бога учителя **увидели**’.

Прозаические фрагменты А 314 а3 и А 314 а4 относятся к соседним строкам одного и того же документа и представляют собой два чрезвычайно близких как по смыслу, так и по форме повествовательных предложения. Тем не менее в первом из этих фрагментов употреблена форма 3 Sg **IpF** А глагола *lāk-/* ‘видеть’, а во втором – форма 3 Pl **Pt** М того же глагола. Какова бы ни была действительная причина этого различия, оно, как кажется, не может быть объяснено ни в рамках модели, предложенной В. Томасом, ни в рамках модели, предложенной Ж.-Ж. Пино.

Сложившаяся ситуация таит в себе ощутимую опасность с методологической точки зрения. Во-первых, проблема имперфекта и претерита в тохарских языках остается без внимания новых поколений исследователей, полагающих, что в данной области «уже все сделано». Во-вторых, любая из двух концепций, предложенных столь авторитетными учеными, как В. Томас и Ж.-Ж. Пино (или даже обе они по отдельности), вполне может войти в качестве непреложно установленного факта, скажем, в работы по общей теории глагольных категорий, став основой для далекоидущих – и, увы, необоснованных – выводов.

Существует, наконец, и еще один аспект этой ситуации, релевантный только для тохарского А. Дело в том, что в восточнотохарском языке, в отличие от западнотохарского, способы образования **IpF** и **Pt** частично совпадают. Соответственно, в целом ряде случаев квалификация тех или иных форм как имперфектных или претеритных с морфологической точки зрения оказывается неоднозначной. Теоретически конкретные примеры употребления таких форм в текстах должны интерпретироваться как **IpF** или **Pt** на основании семантических критериев; фактически, однако, эти критерии «работают» только применительно к тем формам, принадлежность которых к числу **IpF** или **Pt** известна заранее. В результате, как мы увидим дальше, сложившиеся представления о спряжении многих тох. А глаголов оказываются существенно искаженными.

Мы никоим образом не ставим своей целью предложить собственное решение рассматриваемой проблемы. Напротив, мы полагаем, что по состоянию на настоящий момент правила выбора между имперфектом и претеритом в тохарских языках должны быть признаны неизвестными. Именно такой подход, свободный от любого рода априорных интерпретаций, представляется нам наиболее плодотворным, поскольку позволяет увидеть, что тох. А имперфекты обладают очень нетривиальными дистрибутивно-синтаксическими свойствами, на основании которых значительную часть морфологически неоднозначных форм прошедшего времени можно с очень высокой

вероятностью квалифицировать как *IpF* или *Pt*, по сути, не обращаясь к собственно-семантической стороне дела.

Настоящая работа представляет собой попытку уточнить грамматическую характеристику как можно большего числа *тох. А* глагольных форм посредством такого рода дистрибутивного анализа. В связи с решением этой основной задачи мы касаемся также вопросов об интерпретации нескольких текстовых фрагментов, о структуре парадигмы глагола *knā-* 'знать' и об особенностях употребления форм *IpF* глагола *y-/* 'идти'.

НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ

Тохарские глаголы приводятся в форме основы, например: *tsip-* 'танцевать', *tuñk-iññ-* 'любить'. Если глагол имеет супплетивную парадигму, это обозначается знаком /, например: *y-/* 'идти'.

В грамматической характеристике словоформ указание на активный залог (*A*) может опускаться, т.е. записи вида *šepār* 3 Pl *IpF A* от *tsip-* 'танцевать' и *šepār* 3 Pl *IpF* от *tsip-* 'танцевать' эквивалентны.

У некоторых глаголов формы с нулевым окончанием, которому предшествует показатель *-ā*, могут представлять собой как 1 Sg *A*, так и 3 Sg *A* одного из прошедших времен. В тех случаях, когда контекст не дает возможности сделать однозначный выбор, используется запись вида 1/3 Sg *A* или просто 1/3 Sg, например: *klyōšā* 1/3 Sg от *klyos-* 'слушать, слышать'.

Тох. А текстовые фрагменты из Берлинского собрания рукописей из Турфана, опубликованные в [Sieg, Siegling 1921], цитируются по номерам без каких-либо дополнительных помет.

Текстовые фрагменты, относящиеся к рукописи пьесы «Maitreyasamiti-Nāṭaka» (MSN) на *тох. А* языке, обнаруженной в 1974 г. недалеко от китайского города Яньци и опубликованной в 1998 г. Цзи Сянь-линем, В. Винтером и Ж.-Ж. Пино в книге [JWP], снабжаются индексом YQ (Яньци).

Небольшие неопубликованные *тох. А* текстовые фрагменты из Берлинского собрания, фотографии и транслитерация которых ныне доступны в Интернете в рамках проекта TITUS (<http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/texte/tocharic/thtframe.htm>), в соответствии со своим нынешним архивным классификатором снабжаются индексом THТ (Tocharische Handschriften aus den Turfanfunden).

Тохарские В тексты из Берлинского собрания, опубликованные в [Sieg, Siegling 1953], приводятся с пометой «В».

Переводы текстовых фрагментов принадлежат нам, если не оговорено иное. Порядок слов в переводе приближен к порядку слов в оригинале (однако, разумеется, часто не совпадает с ним в точности). Личные глагольные формы в тохарских фрагментах и в их русских переводах при необходимости выделяются жирным шрифтом.

Полностью список сокращений и условных обозначений см. в конце статьи.

ИМПЕРФЕКТ ОТ ГЛАГОЛОВ *NAS-/* 'БЫТЬ' И *y-/* 'ИДТИ'

В обоих тохарских языках *IpF* от глаголов *nas-/* 'быть' и *y-/* 'идти' образуется по уникальной модели <однофонемная основа (*y* глагола 'быть' – нигде более не представленная *š-*, *y* глагола 'идти' – совпадающая с основой *Pr y-*) + особый вокалический показатель (*A -e-*, *B -ai- ~ -ey-*) + окончания презентной серии>, ср., например, 1 Sg *IpF* *тох. А šem, yem*, *тох. В šaim ~ šeym, yaim*, 3 Sg *IpF* *тох. А šeš, yeš*, *тох. В šai ~ šey, yai ~ yeu*, 3 Pl *IpF* *тох. А šeñc, yeñc*, *тох. В šeyem ~ šem, yeuem* и т.д.

Поскольку для глагола *nas-/* характерна очень высокая степень грамматикализации (редкостью является скорее употребление этого глагола в прямом значении – настолько, что, например, форма его инфинитива, не имеющая собственно грамматических функций, не встретила в *тох. А* текстах ни разу!), формы его *IpF* не могут быть напрямую

сопоставлены с формами *Ip*f всех остальных глаголов; в настоящей статье они специально не рассматриваются.

Глагол *y-/* 'идти', напротив, не имеет никаких вспомогательных или «полувспомогательных» употреблений; тем не менее его поведение в *Ip*f также существенно отличается от поведения других глаголов (см. об этом соответствующий раздел настоящей работы).

По этой причине в разделе «Имперфект или претерит?» все утверждения, касающиеся *тох. А* имперфектов, сделаны без учета форм *Ip*f глаголов 'быть' и 'идти'.

ИМПЕРФЕКТЫ ОТ ДРУГИХ ГЛАГЛОВ В ТОХ. А

У значительного большинства *тох. А* глаголов имперфект образуется от основы презенса путем прибавления к тематической морфеме (ТМ) презенса морфемы *-ā-* и окончаний претеритной серии. Гласный, которым оканчивается ТМ, в *Ip*f выпадает; если согласный или группа согласных, оказавшиеся в результате этого выпадения перед суффиксом *-ā-*, могут подвергаться палатализации, они обязательно палатализуются. Важно отметить, что только по этой модели образуются формы имперфекта каузатива (в *тох. А* каузативные формы всех глаголов в настоящем времени спрягаются одинаково, а именно принадлежат к так называемому кл. *Pt* 8K с ТМ *-s-*). Примеры:

– некаузативные имперфекты:

e-/ 'давать': 3 *Sg Ip*f *eṣā*, 3 *Pl Ip*f *eṣār*

oks- 'расти': 3 *Sg Ip*f *M oksiṣāt*

kare- 'смеяться': 3 *Sg Ip*f *karyā*

kām- 'приходить': 3 *Sg Ip*f *kumṣā*, 3 *Pl Ip*f *kumṣār*

kāly-/ 'стоять': 3 *Sg Ip*f *M klyāt*, 3 *Pl Ip*f *M klyānt*

mānt- 'разрушать; быть в гневе': 1 *Sg Ip*f *M māñcāwe*, 3 *Pl Ip*f *M māñcānt*

mrosk- 'испытывать отвращение к миру': 3 *Pl Ip*f *M mrosāmṣānt*

y-/ 'делать': 3 *Sg Ip*f *A ypā*, 3 *Pl Ip*f *A ypār*, 3 *Sg Ip*f *M ypāt*, 3 *Pl Ip*f *M ypānt*

lā-n-t- 'выходить': 3 *Sg Ip*f с ЭМ *Pl lāntṣā=m*

šo- 'жить': 2 *Sg Ip*f *šāwāṣt*, 2 *Pl Ip*f *šāwās*

sālp- 'пылать': 3 *Pl Ip*f *sālypār*;

– каузативные имперфекты:

nu- т. К 'реветь': 3 *Sg Ip*f *K nuṣā*, 3 *Pl Ip*f *K nuṣār*

pāk- 'созревать, вариться': 3 *Pl Ip*f *M K pākṣānt*;

šām-/ 'сидеть': 2 *Pl Ip*f *M K lāmṣāc*.

Помимо этого, существует небольшая (около 10 лексем) группа глаголов, образующих *Ip*f также от основы презенса по образцу одного из классов претерита. Примеры:

– имперфект по образцу *Pt* кл. Ia (с удлинением корневого гласного):

tārḱ- 'отвергать, изгонять': 3 *Pl Ip*f *A cārkar*, 3 *Sg Ip*f *M cārkat*

pār-/ 'нести': 3 *Sg Ip*f *M pārat*, 3 *Pl Ip*f *M pārant*

lāk-/ 'смотреть, видеть': 2 *Sg Ip*f *A lyākṣt*, 3 *Sg Ip*f *A lyāk*, 3 *Pl Ip*f *A lyākar*;– имперфект по образцу *Pt* кл. III:

trāṅk-/ 'говорить': 2 *Sg Ip*f *crāṅkṣt*, 3 *Sg Ip*f *crāṅkās*, 3 *Pl Ip*f *crāṅkār*

su- 'литься, сыпаться дождем': 3 *Pl Ip*f с ЭМ *Pl sawr=ām*

tsip- 'танцевать': 3 *Pl Ip*f *šepār*.

ИМПЕРФЕКТ ИЛИ ПРЕТЕРИТ?

Парадоксальным образом, при том что глаголы типа *trāṅk-/* образуют *Ip*f по образцу *Pt*, формы этих двух времен у таких глаголов никогда не совпадают: *Pt* образуется либо от супплетивной основы (у глагола *trāṅk-/* – от основы *we-*, ср., например, 2 *Sg Pt* *weñāṣt*, 3 *Sg Pt* *we*; у глагола *pār-/* – от основы *kām-*, ср., например, 3 *Sg Pt* *M kāmat*), либо с добавлением суффикса (у глагола *su-* основа *Pt* имеет вид *sw-ās-*, ср. 3 *Pl Pt* *svāsar* (sic!)), либо по другой модели (так, у глагола *tārḱ-* *Pt* относится к кл. Ib (без удлинения корневого

гласного), ср., например, 3 Sg Pt *cārḱ*). Несмотря на ограниченность материала, можно с уверенностью говорить о том, что речь идет не о случайности, а о системном явлении; поэтому, хотя, скажем, Pt глагола *tsip-* в тох. А текстах не засвидетельствован, нет никаких сомнений, что этот глагол образует претеритные формы не по кл. III, а иначе.

Напротив, среди глаголов, образующих Ipф стандартным способом, есть несколько групп, у которых формы Ipф и Pt по морфологическим причинам должны совпадать. Таковы:

1) глаголы с суффиксом *-iññ-*, сохраняющимся во всей парадигме. Из глаголов этой группы личные формы прош. вр. засвидетельствованы у *kāṣ-iññ-* 'ругать, винить', *klop-iññ-* 'страдать', *tuñk-iññ-* 'любить', а также, возможно, от *nw-iññ-* '?';

2) глаголы с долготным корнем (т. е. корнем, содержащим морфонологически долгий гласный (*a*, *ā*, *e* или *o*)), оканчивающимся на *s*. Из глаголов этой группы личные формы прошедшего времени засвидетельствованы у *klyos-* 'слушать, слышать', *pās-* 'охранять, соблюдать', *winās-* 'почитать' и *wles-* 'делать, совершать';

3) каузативы от любых глаголов с долготным корнем. Из таких глаголов личные формы прошедшего времени каузатива засвидетельствованы у *kātk-* 'радоваться', *pyāst-* 'питаться', *plānt-* 'веселиться', *yāñk-* 'обманываться (?)', *yāt-* 'мочь', *śo-* 'жить', *spārtw-* 'поворачиваться; обращаться (с кем-л.)', а также, возможно, от *y-* 'делать'.

Кроме того, отдельного рассмотрения заслуживают глаголы *sāry-* 'сеять', *knā-* 'знать' и *pārsk-* 'бояться'.

Ниже приводится каталог всех известных нам личных форм прошедшего времени глаголов, входящих в группы 1–3 (из форм, не сохранившихся целиком и восстанавливаемых посредством разного рода конъектур, в каталог включены лишь некоторые наиболее надежные). Указание на время в грамматической характеристике словоформ опущено. Вслед за перечнем форм для каждого глагола в угловых скобках приводится информация о том, какая морфологическая интерпретация дается этим формам в ряде тохаристических работ (при этом необходимо учитывать, что в работах [P] и [Th] рассматриваются только тексты из книги [Sieg, Siegling 1921], а в работе [JWP] – только рукопись MSN из Яньци).

1) *kāṣ-iññ-* 'ругать, винить': 3 Sg M (?) *kāṣiññ[ā](t) ////* (28 a5) <[P: 62; C: 121; M: 563-564]: Ipф>

klop-iññ- 'жаловаться': 3 Pl M *klopiññānt* (YQ-22 a6) <[JWP: 271; C: 180; M: 629]: Ipф>

tuñk-iññ- 'любить': 3 Sg *tuñkiññā* (311 a1, YQ-5 b4) <[Th: 77, сн. 1; JWP: 272; M: 649]: Ipф; [P: 127]: Ipф/Pt>

(?) *nw-iññ-* '?': 3 Sg M *nwiññāt* (222 a7) <[Couvreur 1955–1956: 81; M: 475–476, сн. 2, 904-905]: Ipф; [P: 303]: Ipф/Pt>;

2) *klyos-* 'слушать, слышать': 1 Sg *klyosā* (20 a6, b3), 1/3 Sg *klyosā* (160 b5, 177 a5, THT 1137 a2), 3 Sg *klyosā* (THT 1525 a2), 3 Sg *klyos* (436 b4), 1 Pl *klyosāmās* (340 a6), 2 Pl *klyosās* (YQ-42 a6), 3 Pl *klyosār* (81 a6, 436 b3) <[P: 97]: Pt (форма *klyos*) ~ Ipф/Pt (остальные формы); [Th: 216, 240]: Pt (81 a6, 340 a6); [JWP: 272]: Ipф (YQ-42 a6); [C: 182–183]: Ipф (форма *klyosā*) ~ Pt (все остальные формы); [M: 135 (и сн. 17, 18), 261, 632]: Ipф (YQ-42 a6) ~ Ipф/Pt (все вхождения формы *klyosā*, кроме 20 a6, b3) ~ Pt (все остальные формы)>

(Отметим, что непосредственно в таблице спряжения глагола *klyos-* рассматриваемые формы трактуются М. Мальцан несколько иначе: форма 2 Pl *klyosās* фигурирует и в строке «Ipф», и в строке «Pt», несмотря на то что к настоящему моменту известен только один пример ее употребления, а все остальные формы отнесены в категорию «Pt» [M: 632].)

pās- 'охранять, соблюдать': (?) 2 Sg M (*pā*)*sāte* (180 b4), 3 Sg M *pāsāt* (99 a2, 130 a5, 222 b1, 292 b6) <[M: 135, сн. 18, 261, 699]: Pt; [P: 127]: Ipф/Pt>

winās- 'почитать': 3 Sg *wināsā* (YQ-33 b3), 3 Pl (*wi*)*nāsār* (312 a1) <[P: 303]: Ipф (312 a1); [JWP: 277]: Pt (YQ-33 b3); [M: 906]: Ipф (312 a1) ~ Pt (YQ-33 b3)>

wles- 'делать, совершать': 1 Sg M *wleṣe* (270 b2, YQ-25 b8), 3 Sg M *wleṣāt* (255 a1, a3, a4, a6, a7, a8-b1, b2, 301 a1, YQ-23 a8), 3 Pl M *wleṣānt* (YQ-24 a1) <[Th: 189; JWP: 278; M: 135, сн. 18, 261, 915], [Pin: 95-100] (текст № 255): Pt; [P: 313]: Ipф/Pt>;

3) *kātk-* 'радоваться': 3 Sg M K *kātkṣāt* (68 a4, YQ-24 b1) <[P: 57; JWP: 270; C: 111; M: 556–557]: Ipф>

pyāst- 'питаться': 3 Sg A K *pyāstṣā* (YQ-21 b3), 1 Sg M K *pyāstse* (YQ-41 a2), 3 Sg M K *pyāstṣāt* (YQ-26 b6), 3 Pl M K с ЭМ 3 Sg *pyāstṣānt=ām* (YQ-44 a4) <[JWP: 274; M: 731]: Pt>

plānt- 'веселиться': (?) 3 Pl M K *plāntṣānt* (YQ-24 b1; об этой форме см. отдельно ниже) <[JWP: 274; M: 742]: Pt>

y-/ 'делать': (?) 1/3 Sg K *yām[s]ā* (80 a6) <нам не удалось найти упоминания о существовании этой формы ни в [P], ни в [M], ни в каких-либо других работах>

yāñk- 'обманываться (?)': 1/3 Sg K *yāñkṣā* (120 a2) <[P: 239; M: 785]: Ipф>

yāt- 'мочь': 3 Pl M K *yātṣānt* (376 a5) <[P: 239; M: 787]: Ipф>

šo- 'жить': 3 Sg M K с ЭМ 3 Sg *šoṣāt=ām* (451 a2) <[P: 326; M: 918]: Ipф>

spārtw- 'поворачиваться; обращаться (с кем-л.)': 1 Sg K *spārtwṣā* (270 a6), 2 Sg K *spārtwṣā(st)* (255 b3-4), 3 Sg K *spārtwṣā* (214 a3) <[P: 385; M: 964]: Ipф; [Pin: 101] (255 b3-4): Ipф>

Просмотр составленного нами каталога приводит к неожиданному наблюдению: у глаголов группы 3 (и, по-видимому, у глагола *winās-*) формы, известные из текстов Берлинского собрания, всегда квалифицируются как Ipф, а новые формы, встретившиеся в MSN, – как Pt. Разумеется, такое «распределение» если и может соответствовать действительности, то лишь в силу какой-то исключительной случайности. При этом ни в одной из упомянутых в каталоге работ возможность противоположной (или двойной) интерпретации каких-либо из этих форм даже не обсуждается: получается, что каузативные подпарадигмы глаголов с долготным корнем словно бы «по природе» делятся на имеющие Ipф и имеющие Pt. Этот факт может служить дополнительным свидетельством того, что никакого надежного инструмента разграничения Ipф и Pt в руках исследователей тохарских языков в настоящее время нет.

В основе предлагаемой нами процедуры дистрибутивного анализа лежит разделение форм Ipф на «одиночные» и «серийные» (разумеется, такое разделение применимо к любым глагольным формам любого языка, входящим в состав связного текста). Форма Ipф является «одиночной», если обе ближайшие к ней в тексте личные глагольные формы – предшествующая и последующая – относятся к другому времени-наклонению, и «серийной», если хотя бы одна из этих форм также является формой Ipф. Удивительная особенность тох. А имперфекта состоит в том, что, хотя формы Ipф в целом встречаются достаточно редко (во много раз реже, чем формы Pt), «одиночные» формы Ipф встречаются значительно реже, чем «серийные». Большинство тох. А рукописей имеет очень существенные повреждения, поэтому многие примеры просто не поддаются проверке в этом аспекте, однако разница в частоте встречаемости «одиночных» и «серийных» форм настолько велика, что ее статистическая значимость не подлежит сомнению.

Приведем один из немногих надежных примеров употребления «одиночной» формы Ipф:

sparp kārstorāṣ caṣ pre lo pāmāc tmāṣ yaṃtrācāre poratyo svarp kārṣnātsi pāknāṣāt (tmāṣ) pekant pākār lantu yaṃtrācāreṃ kṣṣinac trāñkṣā (9 b2-3) '...«Веревку перерубив, его <художника> прочь унесите (2 Pl Imp M)!» Тогда механик топором веревку перерубить намеревался (3 Sg Ipф M). Тогда художник, на всеобщее обозрение выйдя, механику-учителю говорит (3 Sg Pt A)...'.

«Серийные» формы Ipф могут выступать либо как однородные сказуемые, либо как сказуемые следующих непосредственно друг за другом простых предложений. Иногда употребление нескольких таких форм подряд приводит к появлению в тексте своего рода «имперфектных островов» – обладающих определенной синтаксической и смысловой самостоятельностью фрагментов повествования, все финитные глаголы в которых стоят в Ipф. Чаще всего (но не всегда) в роли «имперфектных островов» выступают стихотворные строфы, представляющие собой вставки в прозаический текст. Приведем в качестве примера одну из таких строф, сохранившуюся целиком. Речь в этой строфе, относящейся к тому же рассказу, что и фрагмент 9 b2-3, идет о механической девушке,

созданной искусным механиком столь совершенной, что пришедший к нему в гости художник принял ее за живую:

prošmīn oki sām tsru šāt lkā(mām) šāri lyāk †
mātsratsi oki mā plāc crañkās mā kāryā †
śla tuñk oki nu rāsñā poke (pañ) upamām †
pontsām kapsīññāš omlyi wiḡṣā pekantāp † 1 || (5 b2-4)

‘Словно из стыдливости, она, немного вниз глядя, приветливо **смотрела**;

Словно из робости, ни слова не **говорила** и не **смеялась**;

Словно ведь с любовью, она **протягивала** руку, прислуживая;

Из всего тела художника усталость (?) (букв. «жар») она **выгнала**’.

Как и в случае с текстом № 314 (см. выше), на примере этой строфы хорошо видна неприемлемость (или, по крайней мере, неполнота) трактовки тохарского имперфекта, принадлежащих В. Томасу и Ж.-Ж. Пино: форма *wiḡṣā* 3 Sg IpF K от *wik-* ‘исчезать’ в данном контексте никак не может быть понята как обозначающая незавершенное действие, а вся строфа в целом играет очень важную роль в притче о художнике и механике и, безусловно, не относится к «описанию привходящих обстоятельств».

Частным случаем «серийного» употребления форм IpF является повторение несколько раз одного и того же глагола, ср. выразительный пример из рукописи MSN:

//// niṣpaltu eṣār sne emts eṣār p_ukis eṣār //// (YQ-17 b7) ‘богатства давали (3 Pl IpF), без сожаления давали (3 Pl IpF), всем давали (3 Pl IpF)’.

При этом очень важное значение имеет то обстоятельство, что **формы IpF и Pt (практически) никогда не выступают в качестве однородных сказуемых**. Рассмотрим два фрагмента, возможно, демонстрирующих отступление от этой закономерности:

cam sām ṣñi wā(rṣṣālt)suneyo sne ske) tskās tāmyo akāmṣune kropñāt || (15 a6-b1; *tskās* вм. *tskā<t>*, реконструкция и исправление по [Sieg 1944: 19, fußnote 4]) ‘...Его <сандаловое дерево> он <принц Вирьяван> благодаря своей силе без труда **вытащил** (3 Sg Pt M); так имущество **приобрел** (3 Sg IpF M)’;

tmāṣ tom wālātkañ kaṣtyo miṣānt tosām sukrānāsac weñā(r) //// (154 a5) ‘Тогда эти *wālātka* ‘и от голода **мучались** (3 Pl IpF M) и этим воронам (?) **сказали** (3 Pl Pt A)...’

Эти фрагменты представляют собой два, пожалуй, наиболее надежных примера сочинения форм IpF и Pt во всем корпусе тох. А текстов (о фрагменте 214 b6 + YQ-4 a1, традиционная интерпретация которого также предполагает наличие такого сочинения, см. ниже в разделе «Глаголы *knā-* ‘знать’ и *pārsk-* ‘бояться’»); при этом оба они все же вызывают в этом плане некоторые сомнения.

Принятое чтение фрагмента 15 a6-b1 основано на конъектуре, пусть и очень убедительной. Кроме того, местоименное наречие *tāmyo* ‘так, тем’, стоящее после глагола, с большой вероятностью представляет собой индикатор начала нового предложения, ср. следующий именно такому пониманию перевод В. Зига: «Dadurch erwarb er Geld» [Ibid.: 19].

Во фрагменте 154 a5 появление формы Pt в одной синтагме с формой IpF, возможно, обусловлено особенностями глагола *trāñk-* ‘говорить’. Анализ не очень многочисленных примеров употребления форм IpF этого глагола дает основания полагать, что такие формы не могут обозначать единичный акт речи: см. выше фрагмент 5 b2-4 (‘не говорила ни слова’), а также, например, *tu nuñ nuñ kāpñe ñ_ukaṣ crañkāt* † (99 a5) ‘ты снова и снова «Любимая!» мне **говорил**’.

Кроме того, во фрагменте 15 a6-b1 форма IpF, сочетающаяся с формой Pt, является частью «имперфектного острова»; почти наверняка то же самое верно и для фрагмента 154 a5 (в предшествующей строке 154 a4 представлены формы *śākant* 3 Pl IpF M от *tsāk-* ‘вытаскивать’ и *eṣār* 3 Pl IpF A от *e-* ‘давать’). Сколько-нибудь правдоподобных примеров сочинения с формой Pt «одиночной» формы IpF, как кажется, нет вообще.

Таким образом, если хотя бы одна из финитных глагольных форм, ближайших к морфологически неоднозначной форме прошедшего времени, является формой IpF, то эта неоднозначная форма с очень высокой вероятностью также является

формой *Ip*f; если же хотя бы одна из ближайших форм является формой *Pt*, то и эта неоднозначная форма является формой *Pt*.

Разумеется, этот критерий разграничения форм *Ip*f и *Pt* нельзя назвать совершенно новым. Так, обосновывая трактовку формы *klawrā* (YQ-5 a6) как 3 *Pl* *Ip*f *A* от *klā-* 'падать' (вопреки [JWP: 271], где эта форма охарактеризована как *Pt*), М. Мальцан указывает, что «this form is ... correlated with another imperfect form, so that analysis as an *s*-preterit form is syntactically excluded» [М: 264] (заметим, что аргумент «от синтаксиса» оказывается здесь лишь подкреплением еще более сильного аргумента «от морфологии»: форма 3 *Pl* *Pt* *A* от глагола *klā-* известна и вполне закономерно выглядит как *klār*). Тем не менее едва ли не все морфологически неоднозначные формы, вошедшие в наш каталог, по-видимому, никогда не рассматривались с этой точки зрения – по крайней мере, эксплицитно. Ниже приведены все контексты, для которых применение дистрибутивного критерия позволяет получить грамматически значимую информацию (порядок перечисления такой же, как в каталоге):

1. *kāṣ-iññ-* 'ругать, винить': 3 *Sg* *M* (?) *kāṣiññ[ā](t)*

♦ *sām neṣ nāḁṣāt kāṣiññ[ā](t)* (28 a5) 'он раньше **бранился** и **ругался**'

Поскольку форма *nāḁṣāt* представляет собой бесспорный 3 *Sg* *Ip*f *M* от *nāk-* 'бранить', трактовка формы *kāṣiññ[ā](t)* как *Ip*f также не вызывает сомнений.

2. *tuñk-iññ-* 'любить': 3 *Sg* *tuñkiññā*

В рукописи MSN форма *tuñkiññā* встретила в составе стихотворной строфы 4 × 14 слогов, написанной по схеме 7/7 (т. е. с обязательной цезурой после 7-го слога), от которой сохранились вторая половина 1-й, 2-я и 4-я строки. Для наглядности воспроизведем соответствующий фрагмент с разделением на строки:

//// (||) *b(r)āhmaṇi wkāṃ emtsw āstrām* ♦
wārtam ymām lwā tuñkiññā ypeyam kakmu napemñā(s) ♦
 ♦
*rī)yam yīāram ykoṃ oṣem mākis māḁ **ypā** purccamñe* ♦ 1 || (YQ-5 b4-5)
 *..... Избравший брахманский путь чистый,
 В лес идя, зверей **возлюбил**, в страну придя – людей...

.....
 В городе и в пути, днем и ночью многим много **делал** самого лучшего'.

(Перевод второй половины второй строки, приведенный в [JWP: 103], – «when coming to the land of man» – представляется нам результатом какой-то ошибки.)

Помимо *tuñkiññā*, в сохранившейся части строфы имеется еще только одна финитная глагольная форма: *ypā* 3 *Sg* *Ip*f от *y-* 'делать'. По всей видимости, данная строфа представляет собой «имперфектный остров», и, следовательно, традиционная квалификация формы *tuñkiññā* как *Ip*f справедлива.

3. (?) *nw-iññ-* «?»: 3 *Sg* *M* *nwiññāt*

♦ *k_ul(e)yam pātsāk cacrāṅku mrosāṅkātsi mā **nwiññāt*** ♦ (222 a7 + 239 a5) 'суетно привязавший мысль к женщине, он не ... испытывать отвращение к миру' (в своем переводе мы в основном следуем за [Schmidt 1974: 470]; строго говоря, данный фрагмент допускает и другие грамматические интерпретации).

Форма *nwiññāt* (разумеется, если она выделена верно) представляет собой 3 *Sg* *M* глагола *nw-iññ-* с неясным значением. Эта форма встретила во второй строке строфы 107 буддийской поэмы «Maitreyāvadānavyākaraṇa». Поскольку все четыре других финитных глагольных формы, имеющиеся в этой строфе, представляют собой бесспорные *Pt*, форма *nwiññāt* также должна быть признана претеритом.

4. *klyos-* 'слушать, слышать': 1 *Sg* *klyoṣā*, 3 *Sg* *klyoṣ*

|| *ptāñkte ñom **klyoṣā** wārpāt ñi pātsāk kāswoneyac* (20 a6) 'Имя Будды-бога я **услышал**, и **устремилась** моя мысль к добру';

*mā kaklyuṣunt ñom **klyoṣā*** (20 b3) 'неслыханное имя я **услышал**';

|| *wāl klyoṣ rape-ṣim waṣeṃ pārksāt* (436 b4) 'царь **услышал** мелодичный голос и **спросил...**'

Поскольку форма *wārpāt* представляет собой 3 Sg Pt M, форма *klyoṣā* в строке 20 аб также должна быть интерпретирована как Pt.

В строке 20 b3 форма *klyoṣā* является «одиночной» (она обрамлена двумя формами Pr). «Одиночные» IpF встречаются редко; кроме того, эта часть реплики горшечника Брихадьюти фактически повторяет ее первую фразу (*ptāñkte ñom klyoṣā*). Таким образом, и в этом случае мы можем рассматривать форму *klyoṣā* как Pt – хотя и с несколько меньшей уверенностью, чем во фрагменте 20 аб.

Что касается формы *klyoṣ*, то она связана сочинительной связью с формой *pārksāt* 3 Sg Pt M от *pār-* 'просить, спрашивать' и, соответственно, представляет собой Pt. И в этом случае синтаксический аргумент оказывается в полном согласии с морфологическим: форма 3 Sg IpF от глагола *klyo-* может выглядеть только как *klyoṣā*, ср. [M: 135, сн. 17].

5. *pās-* 'охранять, соблюдать': 3 Sg M *pāṣāt*

śāk we pi puklā pāṣā(t pāp)ṣūn(e) ♦ ly(ā)m plya[s]k(enam) |||| (222 b1 + 239 b1) 'двенадцать лет соблюдал обряды и был погружен в медитацию' (букв. «...**соблюдал** соблюдение и **сидел** в медитации»)

Ввиду наличия формы *ly(ā)m* 3 Sg Pt от *sām-/* 'сидеть' форма *pāṣāt* в данном фрагменте также должна быть квалифицирована как Pt.

6. *wles-* 'делать, совершать': 3 Sg M *wleṣāt*

Знаменитый текст № 255, послуживший Э. Зигу и В. Зиглину отправной точкой для дешифровки тохарской письменности, включает в себя краткие биографии будд различных эпох. Поскольку «главы», посвященные каждому из будд, строятся по единой схеме, мы ограничимся только одной иллюстрацией – биографией Будды Щакьямуни:

|| *kānt wiki puklā wrasaśṣi śolaṃ śākyamuni ñomā ptañkāt seṣ sām penu kāruṇik taryāk pāñ [pi] pu(k)ly(i) (puttiṣparām) kālpāt ♦ śtwarāk pāñ pi puklā puttiṣparām wleṣāt ♦ śtwarāk puklā śol lyalyipurāṣ ksaluneyaṃ kālḱ ||* (255 b1-2) 'Когда 120 лет длилась жизнь людей, по имени Щакьямуни Будда-бог **был**. И он, милосердный, 35-летним достоинство будды **обрел**. 45 лет деяния, подобающие достоинству будды, он совершал (букв. «достоинство будды **совершал**»). За 40 лет <до 120-летия> жизнь оставив, в нирвану он **ушел**'.

Поскольку форма *wleṣāt* находится между формами *kālpāt* 3 Sg Pt M от *kālp-* 'достигать, получать' и *kālḱ* 3 Sg Pt A от *y-/* 'идти', она также представляет собой Pt; аналогичным образом обстоит дело и со всеми остальными употреблениями этой формы в тексте № 255.

Как видно из приведенного фрагмента, в начале каждой «главы» используется форма *seṣ* – 3 Sg IpF от *nas-/* 'быть', предшествующая цепочке претеритов. Тем самым текст № 255 может служить в том числе иллюстрацией выдвинутого выше тезиса об особом статусе имперфекта глагола 'быть'.

7. *kātḱ-* 'радоваться': 3 Sg M K *kātḱṣāt*

♦ *elantyo kātḱṣāt śri ñkātt oki wārpñāntās ♦* (68 a4) «дарами **радовала** получателей, словно богиня счастья»

Данный фрагмент представляет собой третью строку стихотворной строфы. Кроме *kātḱṣāt*, из всех личных глагольных форм, относившихся к этой строфе, сохранились только стоящие в ее начале формы *ṣmā* и *klisñā* – 3 Sg IpF от *sām-/* 'сидеть' и *klis-* 'лежать, спать'. Скорее всего, эта строфа представляет собой «имперфектный остров», а значит, и форма *kātḱṣāt* должна быть квалифицирована здесь как IpF.

О фрагменте YQ-24 b1, где также встретилась эта форма, см. ниже.

8. *pyāṣt-* 'питаться': 3 Sg A K *pyāṣṭṣā*, 3 Sg M K *pyāṣṭṣāt*, 3 Pl M K с ЭМ 3 Sg *pyāṣṭṣānt=ām*

|||| *pyāṣṭṣā malkeyo pakkunt māccāk sāmāt=ām* (YQ-21 b3) '...**Вскармливала** кипяченым молоком, сама **собирала** (?) их';

[pā]śśa śiṃ malkeyo *pyāṣṭsāt oksīṣāt* (YQ-26 b6) 'грудным молоком **вскармливала** и **растила**';

(*k_ule*)[wā]ñ *sidārthem kāts kāmant k_ulewāñ tatāṃsānt=ām* ♦ *k_ulewāñ pyāṣṭsānt=ām* (YQ-44 a4) 'Женщины Сиддхартху в животе носили, женщины **родили** его, женщины **вскормили** его'.

В первом и третьем фрагментах формы *pyāṣṭsā* и *pyāṣṭsānt=ām* входят в один ряд с бесспорными формами Pt *sāmat=ām* 3 Pl M с ЭМ Pl от *sām-* 'собирать', *kāmant* 3 Pl M от *pār-/* 'нести' и *tatāṃsānt=ām* 3 Pl M K с ЭМ 3 Sg от *tām-* 'рождаться' и, следовательно, также являются претеритами. Однако во фрагменте YQ-26 b6 ситуация оказывается прямо обратной: форма *oksīṣāt* представляет собой 3 Sg IpF (не Pt!) M от *oks-* 'расти, растить', так что и форма *pyāṣṭsāt*, вопреки [JWP: 274] и [M: 731], должна быть интерпретирована именно как имперфект.

Такой результат применения дистрибутивного критерия к формам глагола *pyāṣ-* имеет важное теоретическое значение. Во-первых, он убедительно доказывает, что каузативные формы двух прошедших времен у глаголов с долготным корнем действительно совпадают и могут выступать как в роли IpF, так и в роли Pt. Во-вторых, сходство фрагментов YQ-26 b6 и YQ-21 b3 служит еще одним свидетельством того, что по крайней мере в некоторых случаях выбор между IpF и Pt может определяться каким-то весьма тонкими смысловыми нюансами или особенностями построения текста.

9. *plānt-* 'веселиться': (?) 3 Pl M K *plāntṣānt*

//// (♦ *sāk*) *tmām ciñcraṃ k_ulewāśśi kātṣāt plāntṣānt p_ukis pālskant tuñk enkālyo* (♦) //// (YQ-24 b1) '...he made glad (six)ty thousand lovely women; the thoughts of all rejoiced in love (and) passion' (перевод по [JWP: 165])

Данный фрагмент является отдельной (второй) строкой строфы 4 × 18 слогов, написанной по схеме 7/7/4 [Ibid.: 166], и тем самым должен характеризоваться некоторой синтаксической законченностью. С учетом этого обстоятельства приведенный перевод не выдерживает критики: форма *k_ulewāśśi* представляет собой не Acc Pl, а G Pl от *k_uli* 'женщина', так что для нее не обнаруживается никакого мыслимого синтаксического хозяина, слово *pālskant* N-Acc Pl от *pālsāk* 'мысль' приходится трактовать как подлежащее, вследствие чего обе каузативные глагольные формы *kātṣāt* и *plāntṣānt* остаются без дополнений. Кроме того, эти две формы, идущие подряд, имеющие практически одно и то же значение и вдобавок не разделенные цезурой, оказываются сказуемыми двух разных предложений, между которыми не обнаруживается никакого параллелизма; подобный порядок слов кажется маловероятным даже для стихотворного текста. Наконец, как уже сказано выше, в грамматическом указателе к книге [JWP] формы *kātṣāt* и *plāntṣānt* отнесены к разным временам! Все эти несообразности устраняются, если допустить, что в действительности в тексте представлены два однородных сказуемых, т. е. вместо *kātṣāt plāntṣānt* следует читать *kātṣā<n>t plāntṣānt* 'радовали и веселили' или *kātṣāt plāntṣā<t>* 'радовал и веселил'. Опускание носового согласного перед конечным гомоганным шумным изредка встречается в тох. А текстах, ср. следующий пример, получающий вполне убедительную интерпретацию, только если предположить, что конечное -с написано вместо ñc: //// *msec wu toṣit-sāñi ñāktañ* (344 b1) 'приходят два бога с неба Тушита', где //// *msec* = (*ku*)*mse<ñ>c* 3 Pl Pr от *kām-* 'приходить'. Противоположная ошибка выглядит необычной, однако она может объясняться влиянием предыдущей акшары, включающей лигатуру *nt*. Основываясь на общем содержании текста, мы условно принимаем вторую из двух этих «зеркальных» конъектур. С учетом внесенного исправления перевод строки YQ-24 b1 не вызывает никаких трудностей: «Он радовал и веселил мысли всех 60 000 нежных женщин любовью и страстью». Еще одна сохранившаяся строка той же строфы (четвертая) содержит глаголы в форме 3 Sg Pr; получается, что бесспорных оснований рассматривать формы *kātṣāt* и *plāntṣā<t>* как IpF или Pt нет. При этом их трактовка как IpF выглядит все же несколько более вероятной: как мы показали выше, в строке 68 a4 форма *kātṣāt* почти наверняка представляет собой именно IpF, а кроме того – гendiadis, т. е. использование

двух близких по значению слов (в данном случае – глагольных форм) для выражения одного понятия, вообще характерен для тох. А имперфекта, ср. уже цитировавшееся *sām neṣ nāḡsāt kāṣiññ[ā](t)* (28 a5) ‘он раньше бранился и ругался’, а также *nuṣār triskṣār oki* (320 b2) ‘словно гревели и звенели’, *sālypār tsāmṣānt* (254 b4) ‘горели и пылали’ (хотя, разумеется, такая конструкция возможна и в Pt, ср. *yete wāmpa* (YQ-41 a7) ‘я украсил и разубрал’).

10. *śo-* ‘жить’: 3 Sg M K с ЭМ 3 Sg *śoṣāt=ām*

//// (*ca*)*clā=ṃ śoṣāt=ām* (451 a2)

Несмотря на обрывочность контекста, правдоподобный перевод данной синтагмы кажется вполне возможным. В монографии М. Мальцан глагол *A śo-*, *B śau-* ‘жить’ рассматривается в числе глаголов, у которых значение каузативных форм не отличается от значения исходных, и считается едва ли не самым показательным представителем данной группы [М: 86, 918]. Основания для такого вывода нам неясны; как кажется, в обоих тохарских языках имеются факты, которые ему прямо противоречат. Так, тох. В фрагмент *so, mācer śawāstār* (B 142 a4), имеющий грамматическую структуру ‘сын (N-Асс Sg) + ‘мать (N Sg) + ‘жить (3 Sg Pr M K)’, едва ли может быть понят как-то иначе, чем ‘мать дает сыну жизнь’, т. е., собственно, ‘мать рождает сына’. Тох. А фрагмент, в котором встретилась форма 1 Pl Pr M K *śosamtrā*, также вполне ясен: *lwa koluneyo śol śosamtrā klopasunt* (YQ5 a7) ‘by the killing of miserable animals we keep ourselves alive’ [JWP: 103]; оборот *śol śosamtrā* имеет здесь значение ‘сохраняем себе жизнь’. Что касается формы *śoṣāt=ām*, ее непереходная интерпретация кажется крайне маловероятной из-за наличия энклитического местоимения, которое, насколько нам известно, ни разу не встретилось при некаузативных формах глагола *śo-* и которому трудно приписать здесь какую-либо функцию, кроме прямообъектной. Первое слово строки 451 a2 надежно идентифицируется как (*ca*)*clā=ṃ* 3 Sg Pt K с ЭМ 3 Sg от переходного глагола *tāl-* т. К ‘носить, поднимать; (стойко) переносить’. С учетом семантики этого глагола для сочетания (*ca*)*clā=ṃ śoṣāt=ām* можно предложить перевод «она выносила его (ее) и дала ему (ей) жизнь». Установить, к кому относится ЭМ, по-видимому, невозможно, потому что сохранившийся в виде крохотного обрывка текст № 451 изобилует терминами родства: в частности, непосредственно после формы *śoṣāt=ām* стоит слово *ckācar* ‘дочь’, а в следующей строке a2 упоминается *seyo śām* ‘жена сына’. Разумеется, поскольку форма (*ca*)*clā=ṃ* представляет собой Pt, как Pt (а не IpI) следует рассматривать и форму *śoṣāt=ām*. В качестве дополнительного штриха отметим, что эта форма (за вычетом ЭМ) находит себе совершенно точное соответствие в тох. В форме *śawṣate* 3 Sg Pt (sic!) M K от *śau-* ‘жить’.

11. *spārtw-* ‘поворачиваться; обращаться (с кем-л.)’: 1 Sg K *spārtwṣā*, 2 Sg K *spārtwṣā(st)*, 3 Sg K *spārtwṣā*

//// (*kāl*)*p(e)* *puttiṣparā(ṃ) spārtwṣā mārkaṃpal sī wārkaṃt* (270 a6) ‘Я обрел достоинство Будды и повернул колесо дхармы’;

|| *puttiṣparāṃ kālpāte spārtwṣā(st wārkaṃ)[nt]* *wākmatsāṃ mārkaṃpal ṣiṃ* (255 b3-4)

‘Достоинство Будды ты обрел и повернул превосходное колесо дхармы’;

spārtwṣā wārkaṃt sne lyutār mārkaṃpal ṣiṃ bā *rāṇas riyac kātse* (214 a3 + YQ-2 a7)

‘Он повернул несравненное колесо дхармы возле города Бенареса’.

В первых двух случаях формы глагола *spārtw-* связаны сочинительной связью с формами (*kāl*)*p(e)* 1 Sg Pt M и *kālpāte* 2 Sg Pt M от *kālp-* ‘достигать, получать’; к этому можно добавить, что в строке 270 a7 имеется форма *lalāksāwā* 1 Sg Pt K от *lāk-* ‘смотреть, видеть’. Соответственно, эти формы естественно трактовать как претеритные. Такое решение, противоположное принятому ныне, находит себе сильное дополнительное подтверждение при сопоставлении со следующим лаконичным описанием четырех главных событий в жизни Будды Шакьямуни:

(*pt*)*āñkāṭ tamūt tṣā parāṃ kālpāt tṣā saspārtu dharmacākkār tṣā kālḡ nervām* (357, 2)

‘Будда-бог родился, потом достоинство обрел, потом повернул колесо дхармы, потом ушел в нирвану’.

Аномальная форма 3 Sg K *saspärtu* (как бы образованная от нигде в тох. А более не засвидетельствованной основы с кратким корневым гласным **spärtw-* вместо обычного *spärtw-*), параллельная регулярной форме *spärtwṣā*, может быть только претеритом – как морфологически (формы имперфекта в тох. А вообще не образуются с помощью редупликации), так и синтаксически (формы *tamāt*, *kālpāt* и *kālk*, разумеется, представляют собой именно Pt).

Во фрагменте 214 а3 + YQ-2 а7 форма *spärtwṣā* является «одионой»; это обстоятельство, а также несомненная близость данного фрагмента к фрагментам 255 б3-4 и 270 а6 дают некоторые основания считать эту форму тоже претеритом.

Таким образом, в ряде случаев применение дистрибутивного критерия приводит к пересмотру сложившегося представления о квалификации некоторых морфологически неоднозначных форм прошедшего времени как Ipф или Pt. Соответственно, в отношении всех тех форм, к которым этот критерий неприменим (как правило, в силу неясности или обрывочности контекста), наилучшим выходом представляется возвращение к разумному агностицизму Павла Поухи, то есть приписывание этим формам пометы типа Ipф/Pt – до тех пор, пока в исследовании этой трудной проблемы не будут сделаны новые существенные открытия.

ГЛАГОЛ *SĀRY-* 'СЕЯТЬ, САЖАТЬ'

В определении грамматической характеристики трех засвидетельствованных в текстах личных форм прошедшего времени глагола *sāry-* 'сеять, сажать' между исследователями нет единства:

3 Sg A *sāryā* (YQ-21 б7), 3 Sg M *sāryāt* (18 б6), 3 Pl M (*sā*)*ryānt* (320 б8) <[P: 365]: Ipф (?); [Th: 78]: Ipф (18 б6); [JWP: 78]: Pt (YQ-21 б7); [M: 229, 936]: Pt>.

С морфологической точки зрения возможность трактовки рассматриваемых форм как Pt вызывает определенные сомнения. Во-первых, *sāry-* оказывается единственным глаголом с исходом основы не на -s, у которого ТМ *ā* в Pt не сокращается после долгого корня. Во-вторых, неясно, может ли конечное *ā* сохраняться в некаузативных формах 3 Sg Pt A: напомним, что очень похожая по структуре на *sāryā* форма 3 Sg A *karyā* от *kare-* 'смеяться' представляет собой несомненный Ipф, а представляющая собой несомненный Pt форма 3 Sg A от *klyos-* 'слушать, слышать' выглядит как *klyoṣ*. Для того, чтобы обойти эти трудности, М. Мальцан предлагает достаточно сложный сценарий, включающий предположение о том, что формы Pt глагола *sāry-* могли испытать влияние «from the imperfect kind of inflection» [M: 229, 936].

Контексты, в которых встретились три перечисленные формы, не дают никакой значимой информации на этот счет. В качестве курьеза отметим, что в тексте № 18 форма *sāryāt* стоит между двумя формами 3 Sg Ipф, но этот факт не позволяет квалифицировать ее как Ipф, поскольку речь идет об имперфектах от двух «непоказательных» глаголов – *nas-* 'быть' и *y-* 'идти'.

Таким образом, вопрос о том, относится ли глагол *sāry-* к числу глаголов с омонимией Ipф и Pt, остается открытым.

ГЛАГОЛЫ *KNĀ-* 'ЗНАТЬ' И *PĀRSK-* 'БОЯТЬСЯ'

Рассмотрение вопроса о статусе форм прошедшего времени глагола 'знать' целесообразно начать с анализа следующего фрагмента:

//// *namo buddha namo buddha weñlune klyosāṃṣāwā tām nu mā kñasi kus tam buddham māskatrā* (214 б6 + YQ-4 а1) 'Слова «Слава Будде! Слава Будде!» я слышал, но я не знал, что же в (этом) «Будда» есть'.

Тох. А глагол *klyos-* 'слушать, слышать' может спрягаться по двум разным классам Pr. Форма 1 Sg Ipф A *klyosāṃṣāwā* образована от Pr кл. 10 и, в отличие от форм прошедшего времени того же глагола, рассмотренных выше, морфологически однозначна. Форма

kñasu, начиная со знаменитой статьи [Schmidt, Winter 1992], авторы которой впервые показали, что форма 1 Sg Pt A в тох. А может иметь окончание *-u*, трактуется почти всеми исследователями (ср., например, [JWP: 271; Pin: 605, 626; C: 129; M: 609–610]) как 1 Sg Pt A глагола 'знать'. Таким образом, на первый взгляд данный фрагмент кажется полноценным, не допускающим никаких оговорок примером употребления форм Ipf и Pt в рамках одной сочиненной группы.

Для того чтобы выяснить, так ли это на самом деле, необходимо учесть, что традиционно в тох. А выделялось три разных, хотя и признававшихся исторически родственными, «*kn*-образных» глагола со значением 'знать' – *knā-*, *kñās-* и *kñā-ññ-* (иногда даже с тенденцией усматривать между ними некоторые семантические различия, ср. [C: 129, 168–169; M: 609–611]). Подлинный переворот в данной области связан с недавней работой [Peurot 2011]; как показал М. Пейро, основы *knā-*, *kñās-* и *kñā-ññ-* в действительности находятся в отношении строгого дополнительного распределения и, соответственно, принадлежат одному и тому же глаголу – ср. составленную им эффектную таблицу [Ibid.: 39], которую мы воспроизводим здесь с небольшими изменениями:

вариант корня	<i>knā-</i>	<i>kñāññ-</i>	<i>kñās-</i>
Pr	<i>knāna-</i>		
Ipf		<i>kñāññā-</i>	
Conj		<i>kñāññ-</i>	
Pt			<i>kñas-</i>
PP		<i>kākkñāññu</i>	

Справедливость догадки М. Пейро не вызывает никаких сомнений, однако предлагаемое им распределение парциальных основ по формам парадигмы не просто уникально – оно противоречит наиболее общим закономерностям устройства тохарской глагольной системы. Если тох. А глагол имеет более одной основы, в подавляющем большинстве случаев от одной из этих основ образуются формы Pr и Ipf, от другой – Pt, Conj (а также Opt) и PP (мы не касаемся здесь вопроса о статусе форм Imp, поскольку у глагола *knā-* они неизвестны). Исключениями из этого правила фактически являются только глаголы *nas-/* 'быть' (Ipf образуется от особой основы, PP образуется от основы Pr) и *e-/* 'давать' (Pr, Ipf и Conj образуются от одной основы, Pt и PP – от другой). Но даже с учетом этих исключений в тох. А нет ни одного глагола, у которого основа Ipf, не совпадающая с основой Pr, была бы представлена в системе Pt-Conj, и ни одного глагола, у которого PP и Conj образовывались бы от одной основы, а личные формы Pt – от другой.

Добавим к этому, что от основ *knā-* и *kñās-* засвидетельствованы только формы A, от основы *kñā-ññ-* – только формы M. Между тем залоговое поведение Ipf всегда совпадает с залоговым поведением Pr (отклонения от этой закономерности нам неизвестны), тогда как подпарадигмы Pr-Ipf и Pt-Conj залогово независимы.

Всего засвидетельствовано четыре личных формы прошедшего времени глагола *knā-*. Помимо 1 Sg A *kñasu*, это форма 2 Sg A *kñasās<t>*, разумеется, также трактуемая всеми исследователями как Pt, и формы 3 Sg M *kñ[ā]ññā[t]* и 3 Pl M *kñāññānt*. Обычно и эти формы считались Pt, однако О. Хакштейн [Hackstein 1993: 154–156] предложил рассматривать их как Ipf, после чего две эти трактовки были сочтены равно допустимыми, ср. [C: 168; M: 610] (вероятно, предлагая свое решение проблемы «*kn*-образных» глаголов, М. Пейро опирался именно на точку зрения О. Хакштейна).

Форма *kñasās<t>* встретилась в начале прямой речи: *kñasās tu vāsavagrām sūk[s] am* /// (340 b5; *kñasās tu* вм. *kñasās<t> tu* вследствие нерегулярного графического упрощения *tt → t*) 'Знал ли ты в деревне Васаваграма...?'; контекст из-за обрыва неясен и не дает оснований для трактовки данной формы именно как Pt. Кроме того, в рукописи MSN имеется такой фрагмент:

hai tālo šokyō nu cam ype-šim kārāsañ ānāntāpā šol šāwāšt /// *sāšt* ♦ (YQ-17 b3-4).

Форма *śāwāst* представляет собой 2 Sg Ipф A от глагола *śo-* 'жить'; стоящее в конце предложения слово, от которого сохранился отрезок *-śāst*, несомненно, является формой 2 Sg A претерита кл. III или имперфекта, образованного по образцу такого претерита. Как ни странно, правдоподобных конъектур для начала строки b4 обнаруживается совсем немного: фактически выбор сводится к реконструкциям *(ca)śāst* 2 Sg Pt A от нерегулярного глагола *tā- ~ tās-* 'ставить, класть' и *(kñā)śāst*. Из этих двух реконструкций более предпочтительной выглядит вторая, поскольку, если предположить, что в утраченной части текста содержалось в том числе отрицание *mā* 'не', реплика, обращенная к пришедшему из чужих краев брахману Нирдхане, приобретает вполне естественный смысл: 'О, несчастный! Совсем уж в джунглях <той> страны бесконечно (?) (или: «безотлучно» (?)) ты **жил** (букв. «жизнь ты жил») и ... (не) **знал**'.

Если предложенная нами реконструкция верна, во фрагментах 214 b6 + YQ-4 a1 и YQ-17 b3-4 представлены сходные по структуре обороты, которые естественно трактовать как конструкции с «серийными» имперфектами: *klyosāmśāwā tām nu mā kñasu* 'Я слышал..., но не знал...', *śāwāst (... mā ... kñā)śāst* 'Ты жил... и не знал...'. При этом и с морфонологической точки зрения формы *kñasu* и *kñāśāst* – с корневым гласным *a* и палатализованным согласным перед ним – вполне встраиваются в ряд Ipф, образованных по образцу Pt кл. III (см. примеры выше).

Форма *kñāññānt* представлена во фрагменте *[[[y]pe-ṣiñi wrasañ kñāññānt riṣakām]]* (111 a5) 'люди (этой) страны знали риши'. Строка a5 является частью стихотворной строфы; выше, в строке a4, относящейся к той же строфе, представлены две формы Pt – *rāp* 3 Sg A от *rāp-* 'копать' и *skānt* 3 Pl M от *sāk-* 'продвигаться, следовать (?)'. Форма *[[[kñ[ā]ññā[t]]]* (217 a2) сохранилась вообще без контекста; ближайшей к ней глагольной формой, впрочем, почти наверняка относящейся уже к другому смысловому отрезку текста, является опять-таки форма Pt – *wārpāt* 3 Sg M от *wārp-* 'чувствовать'. Таким образом, не существует никаких соображений в пользу признания форм *kñ[ā]ññā[t]* и *kñāññānt* имперфектами; напротив, имеются некоторые, хотя и достаточно слабые соображения в пользу признания их претеритами.

Таким образом, у нас есть все основания полагать, что квалификацию форм *kñasu* и *kñāśāst* как Pt, а форм *kñ[ā]ññā[t]* и *kñāññānt* – как Ipф следует «перевернуть». Соответственно, таблица парциальных основ глагола *knā-* приобретает следующий вид:

основа	<i>knā-</i>	<i>kñās-</i>	<i>kñā-ññ-</i>
Pr	<i>knā-na-</i>		
Ipф		<i>kñas-</i>	
Conj			<i>kñāññ-</i>
Pt			<i>kñāññ-</i>
PP			<i>kākkñāññu</i>

(Перевод глагола *knā-* как «знать», возможно, требует каких-то уточнений: для лексемы с таким значением этот глагол – даже с учетом произведенного М. Пейро объединения – встречается в текстах неправдоподобно редко. Кроме того, в тох. А есть еще один, значительно более частотный глагол со значением 'знать' – *kārs-*.)

Если форма *kñasu* действительно представляет собой имперфект, это означает, что редкое окончание 1 Sg A претеритной серии *-u* возможно не только в Pt, но и в Ipф, образованном по образцу Pt кл. III. Поскольку ни одна форма 1 Sg Ipф A от глаголов, образующих Ipф таким способом, ранее не была достоверно известна, а никаких морфологических различий между собственно претеритами кл. III и имперфектами, построенными по образцу таких претеритов, как кажется, обнаружить нельзя, такой вывод представляется вполне закономерным.

Более того, новая интерпретация формы *kñasu* влечет за собой вопрос о грамматической характеристике формы *prasku*. Впервые эта форма была рассмотрена как глагол

в прошедшем времени в уже упоминавшейся статье К.-Т. Шмидта и В. Винтера, авторы которой квалифицировали ее как 1 Sg Pt A от *pārsk-* 'бояться' [Schmidt, Winter 1992: 53]. Такая трактовка сразу же стала общепризнанной, несмотря на то что она порождает серьезную морфологическую проблему: другие формы Pt глагола *pārsk-* относятся к кл. Ib, ср. 3 Sg Pt A *pārsāk*, PP *pārsko*, тогда как форма *prasku* может относиться только к кл. III (соответствующая форма, образованная по кл. Ib, должна выглядеть как *pārsku** или – с другим, более частотным, окончанием – *pārskā**), причем колебание между Pt кл. Ib и Pt кл. III не имеет в данном случае никакого правдоподобного объяснения. Формы Ipf от глагола *pārsk-* неизвестны, так что никаких формальных препятствий для трактовки формы *prasku* как Ipf, образованного по образцу Pt кл. III, нет.

Существенно при этом, что морфологическая «подозрительность» формы *prasku* опять-таки находит себе поддержку в области синтаксиса. Эта форма является первым словом строфы 60 той же поэмы «Maitreyāvadānavyākaraṇa», к которой относится рассмотренный выше текст № 222. Ее ближайший контекст выглядит следующим образом:

mā cimsā 59 *prasku lyalypūrās* (230 b2-3) '...не мог. Я боялся кармы...'

Форма *cimsā* представляет собой несомненный Sg Ipf от глагола *cāmp-* 'мочь'. Огорчительным образом, сложно построенный и сильно фрагментированный текст № 230 во многом остается неясным не только в плане содержания, но даже в плане грамматической структуры; достаточно сказать, что форма *cimsā* рассматривается в [C: 195] как 1 Sg Ipf, а в [M: 635] – как 3 Sg Ipf. Как кажется, интерпретации формы *cimsā* как 1 (не 3) Sg Ipf, а формы *prasku* – как 1 Sg Ipf (не Pt) взаимно поддерживают друг друга и являются лучшим решением этой (морфо)логической головоломки: синтаксическая связь между двумя соседними строками стихотворного произведения может быть и достаточно тесной. В этом случае перевод фрагмента 230 b2-3 должен выглядеть как «...я не мог и (или: “потому что”) боялся кармы...».

ИМПЕРФЕКТ В РОЛИ ПРЕТЕРИТА? (ЕЩЕ РАЗ О ГЛАГОЛЕ *y-/* 'ИДТИ')

От глагола *y-/* 'идти' в тох. А засвидетельствованы следующие формы Ipf: 2 Sg *yet*, 3 Sg *yeṣ*, 3 Sg с ЭМ 2 Sg *yeśsi* (из [yeṣ=ci]), 3 Sg с ЭМ 3 Sg *yeṣ=ām*, 3 Pl *yeñc*, 3 Pl с ЭМ 3 Sg *yeñc=ām*. Как уже было сказано выше, эти формы ведут себя во многом иначе, чем формы Ipf всех прочих глаголов. Прежде всего, они встречаются несравненно чаще (поскольку статистически значимые количественные данные могут быть получены только для формы 3 Sg, в приводимых подсчетах мы ограничиваемся ею): форма *yeṣ* засвидетельствована в опубликованных текстах Берлинского собрания ≈ 30 раз. Эта цифра исключительно велика сама по себе: ни одна из форм Ipf ни от одного другого глагола (кроме, разумеется, глагола *nas-/* 'быть') не встретила в тох. А текстах больше 4–5 раз. Однако еще более показательно то, что форма *kālk* 3 Sg Pt того же глагола представлена в тех же текстах ≈ 50 раз (любопытно, что в рукописи MSN «счет» вообще оказался 4 : 0 в пользу Ipf!). Для других глаголов, хотя бы относительно часто засвидетельствованных в прошедшем времени, характерно совершенно иное соотношение форм 3 Sg Ipf и 3 Sg Pt: так, для близкого по смыслу к *y-/* глагола *lā-n-t-* 'выходить' оно составляет 1 : 23, для глагола *lāk-/* 'видеть' – 3 : 23, для глагола *śām-/* 'сидеть' – 1 : 9, для глагола *ents-* 'брать' – 0 : 11, для глагола *ri-* 'оставлять, покидать' – 0 : 9 и т. д. При этом, несмотря на такую высокую частотность, формы Ipf глагола *y-/* практически никогда не сочетаются с формами Ipf других глаголов.

Поскольку никаких «связанных» употреблений (в составе специфической синтаксической конструкции, распространенного фразеологического оборота или т. п.) эти формы не обнаруживают, можно предположить, что они являются «не совсем (или, по крайней мере, не только) имперфектами» и способны выполнять еще какую-то функцию, тох. А имперфекту в целом не свойственную. Как кажется, такая функция действительно может быть выявлена.

Одним из наиболее загадочных «белых пятен» восточнотохарской глагольной системы является полное отсутствие личных форм Pt – как регулярных, так и супплетив-

ных – у глагола *kām-* ‘приходить’ [Schmidt 1974: 58]. Поскольку глагол *kām-* относится к числу очень употребительных, вероятность того, что эти формы не встретились в известных к настоящему моменту тох. А текстах случайно, можно не принимать всерьез. Комментируя этот факт, М. Мальцан предполагает, что соответствующее значение передается в тох. А конструкцией «*kakmu* (РР от *kām-*) + связка», а также, возможно, формами *Ip̄f* [М: 225, сн. 6]. Последнее предположение, безусловно, ошибочно: формы *Ip̄f* от глагола *kām-* засвидетельствованы в текстах в общей сложности всего 2 или 3 раза. Эта цифра даже несколько ниже, чем «среднестатистическое» количество форм *Ip̄f* от глаголов, сравнимых с *kām-* по употребительности, и в любом случае ничтожно мала. Что касается причастия прошедшего времени, то оно является одной из наиболее частотных тох. А глагольных форм и может одинаково свободно выступать как в собственно причастной функции, так и – в сочетании со связкой (материально выраженной или нулевой) – в функции главного предиката. Частотность РР глагола *kām-*, бесспорно, очень высока: в текстах Берлинского собрания оно встретилось (во всех родах, числах и падежах) в общей сложности 33 раза, в рукописи MSN – 16 раз. Однако, скажем, РР от глагола *lā-n-t-* ‘выходить’ встретилось в берлинских текстах 26 или 27 раз, в рукописи MSN – 6 раз, а суммарная частотность РР от глагола *sām-/* ‘сидеть’ оказывается даже чуть большей: оно представлено ≈ 45 раз в текстах Берлинского собрания и 8 раз – в MSN (правда, некоторую часть этих вхождений составляют формы сложного слова *wašt-lmo* ‘домохозяин’ (букв. ‘домосидящий’)). Таким образом, вполне возможно, что в каких-то случаях конструкция «*kakmu* + связка» действительно замещает собой личные формы Рт глагола «приходить», однако такой способ выразить соответствующее значение едва ли может быть единственным.

Проверка гипотезы о том, что формы *yeṣ*, *yeñc* и т. д. могут в некоторых случаях передавать значение ‘пришел’ или ‘пришли’, сталкивается с неожиданными трудностями. Дело в том, что в оборотах вида «X идти (прош. вр.) из А в В» (или – в сокращенном варианте – «X идти (прош. вр.) из А», «X идти (прош. вр.) в В») финитный глагол в общем случае может быть понят и как «пошел», и как «пришел». По этой причине строго доказать данную гипотезу, по-видимому, невозможно. Однако, как кажется, количество примеров, для которых общий контекст или какие-либо дополнительные соображения свидетельствуют именно в пользу перевода «пришел» или «пришли», достаточно велико, чтобы пытаться «отменить» каждый из них по отдельности. Ниже мы рассматриваем некоторые наиболее ясные и показательные случаи употребления форм *Ip̄f* глагола «идти».

|| *kālnmām mlānkmām yetwesyo ñkāt yeṣ nakcu ñy anāprās epreraṃ śām* † *śñi āstāryām swā[ñce](n)y(o) lyalyuk waštu śla poto rake ṇṣac we* † (YQ-2 a5-6 + 214 a2) ‘Со звенящими и ... украшениями бог **пришел** прошлой ночью (?) и передо мной в воздухе **стоял**. Своим ясным лучом он **осветил** дома и приветливо речь мне **сказал**...’

|| *wlāññāktāṣ aci yeñc ñāk[c]i(ñi) lās śñi śñi ñākcyās aptsarntuyo worpu stamar epreraṃ* † (312 b4-5) ‘Начиная с Индры-бога, **пришли** божественные цари – каждый божественными апсарами был окружен – и **стояли** в воздухе’

Фрагмент YQ-2 a5-6 + 214 a2 представляет собой прямую речь брахмана Бадхари, который в момент прихода бога Пурнабхадры спал у себя дома. Соответственно, форма *yeṣ* в его рассказе может означать только ‘пришел’ (ср. перевод «came to stand» [JWP: 69] – при том, что обычно при переводе тох. А текстов на английский и немецкий языки исследователи избегают передавать форму *yeṣ* как «came ~ kam»).

Второй фрагмент, хотя и написан от третьего лица, с интересующей нас точки зрения ничем не отличается от первого.

māmt ne ālyākyām praṣṭaṃ ālak saṃ pekant yaṃtrācāres waštā lokit yeṣ tmās sām yaṃtrā(cāre pe)kāntām puk wāknā yārka yāmurās oṣeñi pkānt=āk waṣṭaṃ lake raksā=ṃ (5 a5-6) ‘Однажды (букв. «как-то в другое время») некий один художник к механику в дом в гости **пришел**. Тогда этот механик, художнику всеми способами почтение оказав, ночью отдельно в доме постель **постелил** ему’

|| *pekāntāśśi kāsśiśśi kāsśi pekant ñi naṣu* ♦ *lokit yeṣ ñi yaṇtār-si śomim cami spa(ktām) upā* ♦ *tuṅkyo* ▪ *śśi tsit śominām wekat yaṇtār* (8 b6 – 9 a1) 'Художников-учителей учитель-художник, мой друг (?), в гости **пришел**. Моя механическая девушка ему службу **служила**. Верно, из любви **коснулся** он девушки, и **сломался** механизм...'

Первый из этих фрагментов – начало притчи о художнике и механике, второй – рассказ механика о происшедших событиях. В обоих случаях перевод сочетания *lokit yeṣ* как «пришел в гости» кажется единственным, имеющим смысл.

cem priyadattes nāpak kālkoṣ manārkāñ sāket yac yeñc priyadattes eṃtsālune prasenaji lāntac wālune mācri pācri pkā=[k] ākṣiñār ♦ (395 a3; *yac* вместо <ri>*yac* (пропуск акшары)) 'те вслед за Приядаттой пошедшие послушники в город Сакета **пришли** и об аресте Приядатты и его приведении к царю Прасенаджи <его> матери и отцу все-все **рассказали**'

Поскольку послушники отправлялись на поиски Приядатты именно из города Сакета, перевод формы *yeñc* как «пришли» представляется безусловно предпочтительным; с учетом контекста даже еще более точным был бы перевод «вернулись». Именно как «пришли» передана эта форма в выполненном И.А. Мельчуком русском переводе работы В. Краузе, содержащей разбор текста № 395, см. [Краузе 1959: 82, 85].

||| (*ptāñkā*)t *kāsśim lkātsi yeṣ pālkātt ats ptāñkā*t *kāṣ(s)im* (80 a2) 'Будду-бога учителя увидеть **пришел** – и **увидел**-таки Будду-бога учителя'
*ākāḷśāll oki śla yñāñmune śino ymām riṣa(knac) k(ā)ts(e) yeṣ pālkā*t *ri(śakām ||)* (147 b3) 'Словно ученик, с почтением ... идя, к риши **пришел** – и **увидел** риши'

Эти два примера чрезвычайно сходны между собой. При этом если в первом из них перевод формы *yeṣ* как «пошел» еще кажется возможным, хотя и несколько неестественным, то во втором, включающем в себя форму так называемого медиального причастия настоящего времени (чаще всего выступающего в предложении в роли деепричастия одновременности) *ymām* 'идя', он, по-видимому, полностью исключен.

||| *ntwa(m) ymā[m] pāṣānak śulaṃ yeṣ* (YQ-1 a2) 'по ... идя, на гору Пашанака он **пришел**'

Как и во фрагменте 147 b3, наличие формы *ymā[m]* делает понимание формы *yeṣ* как 'пошел' практически невозможным, ср. несомненную странность английского перевода: «...going he went to the Pāṣāṇaka Hill» [JWP: 65] – тем более что целью Будды было именно подняться на гору Пашанака, а не просто остановиться вблизи нее.

♦ *naśśi nu parnore śkā kuc ne tu caṣ upeyaṃ yet tā ne klyom me(trak) |||* (YQ-17 b4) '...Есть для тебя все-таки нечто великолепное еще, потому что ты в ту страну **пришел**, где благородный Майтрея...'

Этот фрагмент представляет собой продолжение реплики, обращенной к брахману Нирдхане, начало которой было рассмотрено выше. Наличие в тексте оборота *caṣ upeyaṃ ... tā ne* 'в ту страну, где...' делает понимание формы *yet* как 'ты пришел' фактически несомненным.

Заслуживает внимания также следующий пример совершенно иного рода:

(♦) *īme pāltsāk yeṣ ārśi kāntwā ritwāssi kanaśāl* (♦) (229 b7) 'идея и мысль **пришла** на языке *ārśi* сочинять с мелодией' (сложный вопрос о значении слова *ārśi* для наших целей несуществен, и мы оставляем его без перевода).

По всей вероятности, в этом фрагменте в тох. А представлена совершенно та же метафора, что и в русских выражениях типа *пришло в голову, пришло на ум* и т. п. Употребление в таком контексте глагольной формы, обозначающей начальную, а не конечную точку движения, представляется маловероятным.

Как видно, во фрагментах YQ-2 a5-6 + 214 a2, 312 b4-5, 395 a3, 80 a2 и 147 b3 формы имперфекта глагола *y-/* находятся в отношении сочинения с личными претеритными формами – соответственно, *śām* 3 Sg Pt A от *kāly-/* 'стоять', *stamar* 3 Pl Pt A от того же *kāly-/*, *ākṣiñār* 3 Pl Pt A от *āks-* 'преподавать, рассказывать' и *pālkātt ~ pālkā*t 3 Sg Pt M от

lāk-/ 'видеть'. Всего в тох. А текстах насчитывается более десяти примеров такого рода (без учета в той или иной степени ненадежных). Рассмотрим один из них:

//// (*r*)*iyāṣ lāc vyāse riṣaknac yeṣ* (111 b1) 'Из города **вышел** и к риши Вясе **пошел**'.

Этот фрагмент относится к числу тех немногих, для которых перевод формы *yeṣ* как «пошел» выглядит по крайней мере не менее вероятным, чем ее перевод как «пришел». Тем не менее синтаксически эта форма и здесь ведет себя как претерит, образуя сочиненную группу с формой *lāc* 3 Sg Pt A от *lā-n-t-* «выходить».

Значительный интерес представляет употребление глагольных времен во фрагменте 8 b6 – 9 a1 (см. выше). Будучи сказуемыми двух соседних простых предложений, формы *yeṣ* и *urā* (3 Sg IpF от *y-/* 'делать') формально подпадают под определение «серийных» имперфектов. Фактически, однако, форма *urā*, относящаяся к механической девушке, как раз является одним из немногочисленных примеров «одиночного» IpF: она стоит между соотнесенными друг с другом формами *yeṣ* и *tsit* (3 Sg Pt от *tsit-* 'касаться'), относящимися к художнику.

Приведенные факты позволяют даже задаться вопросом, не следует ли считать, что тох. А формы на *y-e-*, морфологически, несомненно, представляющие собой IpF от глагола *y-/* 'идти', фактически входят в парадигму глагола *kām-* 'приходить' в качестве его Pt (подобно тому, как, например, русское слово *хуже* выступает как форма сравнительной степени не от прилагательного *худой* 'тощий', а от прилагательного *плохой*). Как кажется, ответ на этот вопрос все же должен быть отрицательным, о чем свидетельствует следующий пример:

//// (*tu*)*ñkyo nervām y[e]ṣ* || (54 b5) '...из-за любви (?) в нирвану **ушел**'.

Из-за обрыва строки остается неясным, по какой причине автор текста № 54 употребил форму *yeṣ* вместо ожидаемой формы *kālk* (3 Sg Pt от того же глагола *y-/*), однако присутствие в буддийском тексте оборота со значением 'пришел в нирвану', по-видимому, полностью исключено.

Таким образом, можно думать, что в эпоху создания дошедших до нас восточнотохарских текстов переход форм на *y-e-* от их первоначальной функции IpF глагола 'идти' к новой роли Pt глагола 'приходить' еще окончательно не завершился.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ИЛИ 60 ЛЕТ СПУСТЯ

В опубликованной впервые еще в 1953 г. работе Джорджа Шермана Лейна «Имперфект и претерит в тохарском», посвященной происхождению форм прошедшего времени в «турфанском» (= тох. А) и «кучанском» (= тох. В) языках, есть характерная оговорка: «Хотя я на протяжении всей статьи принимаю то отнесение глагольных форм к имперфектам или претеритам, которое предлагается в SSS или у Краузе, я совершенно не уверен, что оно сохранится для турфанского, когда все тексты будут окончательно изучены» ([Лейн 1959: 135, сн. 2] со ссылкой на [Souvreur 1947: 66]; пер. Л.Д. Толокновой). О том, чтобы считать все тох. А тексты «окончательно изученными», к счастью, не может быть и речи; тем не менее мы полагаем, что сомнения выдающегося американского тохариста уже сейчас можно признать вполне обоснованными*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 – первое, второе, третье лицо	N-Асс – номинатив-аккузатив
кл. – класс	Opt – оптатив
т. К – глагол имеет только каузативные формы	Pl – множественное число
	PP – причастие прошедшего времени

* Автор выражает искреннюю благодарность П.М. Аркадьеву, С.И. Переверзевой, В.А. Плунгяну, И. Сержанту и И.С. Якубовичу, прочитавшим первоначальную версию настоящей статьи и сделавшим многочисленные замечания, способствовавшие ее существенному улучшению.

тох. – тохарский
 ТМ – тематическая морфема
 ЭМ – энклитическое местоимение
 А – активный залог
 Асс – аккузатив
 Conj – конъюнктив
 G – генитив
 Imp – императив
 Ipf – имперфект
 К – каузатив
 М – медиальный залог
 MSN – «Maitreyasamiti-Nāṭaka» из
 Яньци (по изданию [JWP])

Pr – презенс
 Pt – претерит
 Sg – единственное число
 ТНТ – неопубликованный тохарский А
 фрагмент из Берлинского собрания
 YQ – фрагмент относится к рукописи
 «Maitreyasamiti-Nāṭaka» из Яньци
 ≈ – примерно
 ~ – наряду с
 /// – край строки оборван
 || – пунктуационный знак (примерно
 соответствует началу или концу абзаца)
 ♦ – пунктуационный знак (примерно
 соответствует точке или точке с запятой)
 ⚡ – знак конца стихотворной строки

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иткин 2012 – И.Б. Иткин. [Рец. на:] M. Malzahn. The Tocharian verbal system. Leiden; Boston, 2010 // Вопросы языкознания. 2012. № 2.
 Краузе 1959 – В. Краузе. Тохарский язык // Тохарские языки. М., 1959.
 Лейн 1959 – Дж.С. Лейн. Имперфект и претерит в тохарском // Тохарские языки. М., 1959.
 С – G. Carling, G.-J. Pinault, W. Winter. Dictionary and thesaurus of Tocharian A. V. 1: A–J. Wiesbaden, 2009.
 Couvreur 1947 – W. Couvreur. Hoofdaken van de Tochaarse Klank- en Vormleer. Leuven, 1947.
 Couvreur 1955–1956 – W. Couvreur. Bemerkungen zu Pavel Pouchas «Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A» // La Nouvelle Clío. 1955–1956. V. 7–8.
 Hackstein 1993 – O. Hackstein. Osttocharische Reflexe grundsprachlicher Präsensbildungen von idg. **ǵneh₃* 'erkennen' // G. Meiser (Hrsg.). Indogermanica et Italica. Festschrift für Helmut Rix zum 65. Geburtstag. Innsbruck, 1993.
 JWP – X. Ji, W. Winter, G.-J. Pinault. Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nāṭaka of the Xinjiang Museum, China. Berlin; New York, 1998.
 М – M. Malzahn. The Tocharian verbal system. Leiden; Boston, 2010.
 Р – P. Poucha. Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A. Praha, 1955.
 Peyrot 2011 – M. Peyrot. [Rev. of:] G. Carling, G.-J. Pinault, W. Winter. Dictionary and thesaurus of Tocharian A. V. 1: A–J. Wiesbaden, 2009 // Kratylos. 2011. № 56.
 Pin – G.-J. Pinault. Chrestomathie tokharienne. Textes et grammaire. Leuven; Paris, 2008.
 Schmidt 1974 – K.T. Schmidt. Die Gebrauchsweisen des Mediums im Tocharischen. Göttingen, 1974.
 Schmidt, Winter 1992 – K.T. Schmidt, W. Winter. Die Formen der 1. Singular Aktiv der unerweiterten Präterita in Tocharisch A // Historische Sprachforschung. 1992. Bd 105.
 Sieg 1944 – E. Sieg. Übersetzungen aus dem Tocharischen. 1 // Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse. 1944. № 16.
 Sieg, Siegling 1921 – E. Sieg, W. Siegling (Hrsg.). Tocharische Sprachreste. Bd 1. Die Texte. Berlin; Leipzig, 1921.
 Sieg, Siegling 1953 – E. Sieg, W. Siegling. Tocharische Sprachreste. Sprache B. Hf. 2. Göttingen, 1953.
 SSS – E. Sieg, W. Siegling, W. Schulze. Tocharische Grammatik. Göttingen, 1931.
 Th – W. Thomas. Der Gebrauch der Vergangenheitstempora im Tocharischen. Wiesbaden, 1957.

Сведения об авторе:

Илья Борисович Иткин
 Институт востоковедения РАН / школа «Муми-Троль» / НИУ ВШЭ
 isv@gol.ru

Статья поступила в редакцию 29.09.2013.